

З а в е т ы великого Горького

Открывается эта замечательная книга* произведением, датированным 1896 годом, а заключает ее статья, увидевшая свет сорок лет спустя — в 1936 году. Многие десятилетия отделяют нас от событий, послуживших поводом для того или иного выступления Горького, связанных с именами людей, один из которых навеки вошел в историю, а другие прочно и навсегда забыты. И вот эти выступления объединены в одном сборнике. Как же они читаются сегодня, какое чувство возникает после того, как перевернута последняя страница? Это — чувство удивительной современности всего, что написано великим пролетарским писателем. Перед нами не холодные и бесстрастные документы прошлого, а вдохновенная, полная неувыдаемых мыслей и душевного жара книга, каждая страница которой звучит так, словно она написана сегодня, сейчас.

Да, это все тот же Горький, автор бессмертных художественных произведений, учивших бороться за Человека, его свободу и счастье, внушавших активную ненависть к произволу, лжи, варварству. Его высокие и благородные идеалы, мужественный талант, огромный художественный опыт нашли отчетливое выражение и в литературно-критических выступлениях. Какое бы из этих выступлений вы не взяли, все они проникнуты единым пафосом верности реальной жизни, пафосом борьбы за ее переустройство в интересах трудящихся.

С этих позиций великий писатель пролетариата обрушивался на растленное буржуазное искусство. В статьях «Полю Верлен и декаденты», «Разрушение личности» и других Горький указал на неизбежную деградацию антиреалистической литературы, проповедующей пессимизм и бездейность, взявшей курс на уничтожение искусства. Декадентство и натурализм, утверждал Горький, являются

* М. Горький. О литературе. Литературно-критические статьи. «Советский писатель», 1953 г., 868 стр.

ся не антиподами, как пытались доказать некоторые «теоретики», но двумя сторонами одного и того же явления — распада буржуазной культуры.

Создатель нового творческого метода социалистического реализма продолжал и развивал лучшие традиции литературы прошлого. Не случайно доклад на Первом всесоюзном съезде советских писателей строился на основе обобщения всего художественного опыта человечества. В писателях-классиках Горький ценил прежде всего верность жизни, демократичность, гуманизм. С искренней любовью и уважением говорилось в опубликованных на страницах сборника статьях о великих русских писателях: и о гениальном Пушкине, которого Горький считал истинно народным поэтом, и о Толстом, привлекавшем его своей беспристрастной правдивостью, и о Чехове, который обрисован здесь как непримиримый враг пошлости, и о Короленко, и о многих других. «Наша литература», — писал Горький, — наша гордость, лучшее, что создано нами как нацией».

Проблема культурных традиций, вопрос о том, как Горький развивал их в своих произведениях, до сих пор не получили основательной разработки в литературоведческих трудах. А жаль! Эту проблему Горький решал многосторонне и диалектично. Он осуждал и нигилистов, отрицавших культуру прошлого, и тех, кто рассматривал всю литературу как «единый поток». Вот почему Горький, выражая свое восхищение перед гением Толстого, неустанно развенчивал идеологию толстовства. Вот почему он в статьях «Разрушение личности», «О «карамазовщине» и «Еще о «карамазовщине» решительно восставал против реакционной направленности творчества Достоевского.

Высокоидейное, боевое, верно служащее народу — таким представлял Горький реалистическое искусство. Подчеркивал, что трудовой народ — «единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных», он объяснял деградацию буржуазной литературы оторванностью от народа, враждебностью ему. Рост прогрессивного реалистического искусства Горь-

кий органически связывал с борьбой народа за социальное освобождение, за овладение высотами культуры. Родоначальник советской литературы проделал большую работу как организатор новых творческих сил. Наглядное свидетельство этой работы — статья «О писателях-самоучках», проникнутая радостным ощущением решительного движения народа навстречу культуре, предисловие к «Сборнику пролетарских писателей», который Горький оценивал, как один из первых шагов рабочего класса, к созданию социалистической литературы.

Росту и укреплению литературы победившего в октябре 1917 года народа Горький отдал все свои силы.

Творческие принципы, легшие в основу художественных произведений Горького и отчетливо сформулированные в его литературно-критических трудах, оплодотворили развитие советской литературы. Они живой завет великого художника всем советским писателям.

Главнейшее из требований, предъявлявшихся Горьким к искусству, — верность жизни — основному источнику творчества.

Вопрос о связях Горького с советской действительностью совершенно недостаточно изучен исследователями. А ведь основоположник советской литературы был глубоко и органически связан с жизнью советского народа. Его нерасторжимые связи с социалистической действительностью, горячая пропаганда нового, передового, которую он неустанно вел, являются вдохновляющим примером для всех литераторов. Пропагандируя языком публициста достижения нашего строя, определяя творческие задачи художников, Горький исходил из глубокого знания жизни, закономерностей ее развития. К изучению и сопоставлению фактов социалистического строительства призывал он всех советских писателей. «В наши дни, — писал Горький в 1931 году, — поставлен вопрос о необходимости более тесного сближения искусства с действительностью, об активном вторжении литературы в жизнь эпохи, основное содержание которой — социальная революция».

В докладе на Первом всесоюзном съезде писателей, в речи на Втором пленуме правления ССН и в других своих выступлениях Горький указывал на главный недостаток в работе ряда писателей и критиков — слабое знание действительности.

Проблему художественного освоения действительности Горький рассматривал широко, во всей ее сложности, в различных

гранах. Его не удовлетворяли произведения, в которых описываются отдельные факты, разрозненные детали, где есть внешнее правдоподобие, но не передается дух, содержание эпохи. Надо не только знать факты, но и глубоко проникать в их смысл, уметь выбрать существенное, обобщающее, типичное. Эти мысли получили образное выражение в статье «По поводу одной полемики», где говорится, что факт — еще не вся правда, он только сырье, из которого следует выплавить, извлечь настоящую правду искусства, вычленив несущественное оперение факта. Глубже понять действительность, шире ее обнять — вот чего требовал Горький от литераторов. «Нужно учиться давать синтезы, не отрывки и клочья. Нужно широкое обобщение, большие картины».

В литературно-критических выступлениях Горького содержатся ценнейшие соображения о принципах типизации в реалистическом искусстве, о художественном заострении и преувеличении образа. Горький указывал, что в типическом образе заключены не одни быстропроходящие черты сегодняшнего дня, но характерные черты целой эпохи, класса, народа. Тип — это явление эпохи. В статье «О пьесах» высоко оценены произведения, изображающие «фигуры, в которых исторически точно отражена эпоха, в каждой ярко даны ее классовые и «профессиональные» признаки и которые вышли далеко за пределы эпохи, дожив до наших дней, то есть являются уже не характерами, а типами, как, например, Фальстаф Шекспира, как Мизантроп и Тартюф Мольера и прочие типы этого ряда».

Решающей предпосылкой создания типического образа Горький считал умелое изображение характера. Для современных пьес, отмечал он, показателен общий порок — недостаточная убедительность характеров, отсутствие в них четкости и ясности.

В литературе 20—30-х годов остро стояла проблема изображения положительного героя. Она решалась не всегда правильно: положительного героя нередко рисовали сверхидеальным, противопоставляя законченному злодею. Якобы во имя борьбы с таким схематизмом некоторые другие писатели и критики призывали изображать людей, преисполненных мучительных и непримиримых внутренних противоречий, лишенных цельного характера. Горький резко отрицательно относился к обеим этим крайностям. Он был непримиримым противником всякого схематизма, стоял за то, чтобы показывать человека во всей его

внутренней сложности и противоречивости. И в то же время он призывал пристально вглядываться в процесс становления нового героя, создавать художественно целостные образы, подчеркивать и заострять ведущие, определяющие черты характера персонажа, чтобы он раскрывался в самом главном своем проявлении. В людях соседствуют порой самые разнообразные качества, «драматург имеет право, взяв любое из этих качеств, углубить, расширить его, придать ему остроту и яркость, сделать главным и определяющим характер той или иной фигуры пьесы. Именно к этому сводится работа создания характера...».

Советы и указания Горького — целая программа для наших писателей, которые не всегда умеют типизировать явления действительности, создавать художественно-убедительный характер героя, часто оказываясь в их книгах не живой личностью, а умозрительно сочиненным представителем данной должности, профессии.

Горький в течение многих лет размышлял о судьбе критического реализма, о разработке нового творческого метода. Не все сказанное им по этому поводу приемлемо: он был явно несправедлив в своих замечаниях об антигероичности произведений некоторых писателей, недооценил в своем курсе лекций по истории русской литературы роман Чернышевского «Что делать?» и т. д. Но Горький был прав в главном — в своих требованиях творчески развивать лучшие традиции критического реализма.

Не сразу пришел Горький к точному определению нового творческого метода, получившего свое имя после того, как в 1932 году стали известны сталинские слова о социалистическом реализме. В статьях и выступлениях Горького имелись неточные формулы о соотношении реализма и романтизма. Эти положения все время углублялись и оттачивались. Уже в работах 1933—1934 гг. особо отгнетена мысль о том, что социалистический реализм порожден новой действительностью. Сама наша действительность героична и романтична, и естественно, что романтика входит, как составная часть, в метод социалистического реализма. В статье «О кочке и о точке», говоря о сознании людьми того, что они становятся владыками земли, Горький спрашивал: «Это — романтизм? Едва ли, товарищи. Я думаю, что вот это и есть социалистический реализм, — реализм людей, которые изменяют, пере-

страивают мир, реалистическое образное мышление, основанное на социалистическом опыте».

Еще более емкая формула дана в статье «О бойкости»: «Революционный романтизм — это, в сущности, псевдоним социалистического реализма, назначение коего не только критически изобразить прошлое в настоящем, но главным образом — способствовать утверждению революционно достигнутого в настоящем и освещению высших целей социалистического будущего».

Как известно, горьковские замечания о романтизме, о необходимости возвыситься над действительностью получили неверную интерпретацию в работах некоторых литературоведов. Цепляясь за отдельные неточные формулировки, они пытались авторитетом Горького прикрыть свои ошибочные теории о том, что романтизм извне привносит идеал в действительность и что нужно приукрашивать жизнь.

Горький действительно призывал не только знать сегодняшнюю жизнь, но и уметь заглянуть в завтрашний день, он говорил, что литератор не просто отражает сущее, он помнит и о желаемом, возможном. Однако это не имеет ничего общего с приукрашиванием жизни. Речь здесь идет об активной роли искусства, о широком и целостном взгляде на жизнь, об умении художника видеть перспективы развития, смотреть на сегодняшнюю борьбу с высоты достижений настоящего и великих наших целей. А это доступно только тому, кто участвует в повседневной жизни народа и в ней способен найти зримые приметы будущего, почерпнуть тот «гордый, радостный пафос, который придаст нашей литературе новый тон, поможет ей создать новые формы...»

В этой связи становится ясным смысл суждений Горького о революционной романтике. К сожалению, после развенчания несколько лет тому назад в нашей критике неправильных теорий о романтизме эта проблема почти совсем снята с повестки дня. Между тем революционная романтика — органическая черта нашего творческого метода, ее отсутствие во многом объясняет «бескрылость» некоторых современных произведений.

Говоря о романтическом пафосе нашей литературы, Горький ставил вопрос о победоносности нового, передового в жизни и людях. Кроме действительности прошлого и настоящего, он видел и неотрывную от сегодняшней борьбы народа «третью действительность» — действительность будущего. Обязанность литературы, считал

Горький, — раздувать «искры нового» в яркие победные огни.

Следует отметить, что одно время Горький склонен был недооценивать значение самокритики на том основании, что она дает материал врагам. В своем письме от 17 января 1930 года И. В. Сталин указал Горькому на эту его ошибку. И уже в последующих горьковских работах говорится о сочетании двух задач — критики недостатков и утверждений нового. Горького возмущало характерное для некоторых писателей метание из одной крайности в другую, их готовность сегодня все идеализировать, а завтра все чернить. Он требовал развивать сатиру, изображать наряду с нашими людьми и врагов, писал памфлеты против мещан, считал полезным «человеку дать трепку», но при этом стоял за то, чтобы подчеркивать в советских людях в первую очередь хорошее, передовое. Писатель-реалист «призван исполнять одновременно две роли: роль акушерки и могильщика», то есть помогать рождению нового и уничтожать, вгонять в могилу старое, реакционное.

Мысли Горького о такого рода двуединой задаче, стоящей перед советской литературой, не устарели и ныне.

Горький по-хозяйский подходил к нашей литературе, он отмечал и новизну ее тематики, и широту охвата материала, и многонациональный характер искусства социалистического реализма. Нелицеприятно, с присущей ему прямоотой писал Горький и о недостатках советской литературы. «...Отвечает ли она запросам, которые предъявляются ей нашей действительностью? — спрашивал он в 1935 году после ознакомления с произведениями молодых писателей и тут же признавал: — Нужно прямо сказать: еще не отвечает. Чем это объясняется? На мой взгляд, слабым идеологическим и техническим вооружением молодых литераторов. Незнанием ими истории своей страны и ее людей, каковыми они были до революции. Незнанием, которое лишает авторов возможности понимать резкое внутреннее различие настоящего с прошлым и достойно оценивать настоящее. Неправильным отношением к жизни, в которой их внимание останавливается по преимуществу на отрицательных явлениях ее и как бы не замечает явлений, требующих утверждения, развития. Выбором мелких анекдотических тем, увлечением деталями в крупных произведениях и вообще работой «по линии наименьшего сопротивления» материала».

Эти слова очень показательны. Наряду со знанием действительности — прошлого и настоящего — Горький требовал от писателей высокой идеологической и культурной, а также технической вооруженности, то есть мастерства.

Художественная литература, по мнению Горького, является мощным орудием воспитания людей, она будит в людях нужные чувства, создает определенное отношение к жизни, делает их культурнее. А раз так, значит и автор должен стоять на уровне идей своего века, владеть достижениями культуры. Отсутствие широкого кругозора сковывает талант художника; немного увидит тот, кто смотрит на жизнь с обывательских позиций, с невысокой «кочки зрения», о которой писал Горький в статье «О кочке и о точке», осуждая писателей, не знающих жизни, не изучающих марксизма-ленинизма, истории культуры и литературы.

Горький рассматривал вопрос о литературной грамотности очень профессионально, во всей его конкретности, и в то же время неотрывно от вопроса об идеологической, культурной вооруженности писателя. Неподдельной страстью и убежденностью проникнуты слова великого писателя: «В области словесного творчества языковая — лексическая — малограмотность всегда является признаком низкой культуры и всегда сопряжена с малограмотностью идеологической, — пора, наконец, понять это!» Эти слова заставляют глубоко задуматься, тем более, что слишком часто в литературоведческих трудах проблемы мастерства либо вообще обходятся, либо выглядят суммой отдельных узко технических приемов, не связанных с идейным замыслом, творческим методом художника.

Неразвивавшая литературная работа, торпливость, поверхностный подход к теме — все эти недостатки находили в лице Горького своего непримиримого врага. Особенно большое внимание уделял он языку художественных произведений, справедливо считая слово первоэлементом, основным материалом литературы.

В сборнике «О литературе» представлены почти все горьковские выступления, связанные с дискуссией о языке, которая развернулась в 1933—1934 годах: «О прозе»; «По поводу одной дискуссии»; «Открытое письмо А. С. Серафимовичу»; «О бойкости»; «О языке». Горький отстаивал чистоту, смысловую точность языка; был нетерпим к небрежному обращению с ним, засорению его местными речениями, «мусором уродливо придуманных

слов». Чрезвычайно серьезные упреки высказал он в адрес Ф. Панферова, употребившего нецензурные слова, вроде «скукожился» и т. п. Горький указал и на недостатки в языке других известных писателей: Ф. Гладкова, М. Шагинян, В. Ильенкова.

Партия поддержала борьбу Горького за чистоту, против вульгаризации и засорения языка. Публикуя статью «О языке», «Правда» предпослала ей редакционное сообщение, в котором говорилось, что указания Горького являются программой учебно-советских писателей и борьбы за качество литературы.

Горький настойчиво боролся за писателя нового типа, тесно связанного с народом, знающего жизнь, вооруженного марксистско-ленинским мировоззрением, постоянно шлифующего свое мастерство. На всех этапах своей деятельности он отстаивал принцип партийности литературы, повторяя, что литература — не частное дело писателя, что писатель — не «человек вообще», а «глаза, уши и голос класса». Он может не сознавать этого, отрицать это, но он всегда и неизбежно орган класса, чувствительное его». Горький нещадно разбивал идеалистические, субъективистские представления о бессознательном характере литературной работы, основанной якобы лишь на непосредственности авторского восприятия, высмеивал суждения о том, что свобода творчества возможна «вне строгих указаний истории, вне ее оснований, организующей идеи». Значение Первого всесоюзного съезда писателей Горький видел в том, что литераторы «признали большевизм единственной боевой руководящей идеей в творчестве, в живописи словом».

Была и остается актуальной борьба против рецидивов идеалистической эстетики, сказывающихся в призывах к писателям руководствоваться и выражать только свои субъективистские настроения. В этой связи, выходя за рамки рецензируемого сборника, можно напомнить о совете, который дал Горький в одном из своих писем армянскому литератору Т. С. Ахуняну: «Не сосредотачивайтесь на себе, не сосредоточьте весь мир в себе. В жизни много яда, но есть и мед — найдите его... Надо все брать и все отдавать жизни, людям... Поэт — эхо мира, а не только няня своей души».

Пережитки индивидуализма сказываются не только в субъективистских воззрениях, но и в образе жизни, поведении некоторых писателей. Культивировавшиеся ранними чуждые нравы зазнайства,

сваловлюбия, «ячества», групповой борьбы Горький считал проявлением мелкобуржуазного индивидуализма. «Великое самомнение» возмечивающихся литераторов вызвало в жизни полный убийственной иронии образ: «Окрыленный хвалой автор загибает хвост на спину, ходит по земле львом и, считая, что «все, что мог, он уже совершил», ничему не учится, жаждет дальнейших опьянений похвалами. Но его недели три возносят, а затем вдруг и сбросят с высоты, на которую неожиданно подняли». И такой литератор еще возмущается «несправедливостью» судьбы, а то и становится на путь скандалов и пьянства! Малейшие факты непристойного, антиобщественного поведения писателей сурово осуждались Горьким, считавшим, что они накладывают пятно на всю писательскую организацию. Мудрый организатор и наставник советской литературы неоднократно призывал усилить в Союзе писателей идейно-творческое воспитание литераторов.

Издательство «Советский писатель» сделало нужное и полезное дело, выпустив сборник «О литературе». Читатель получил солидный том, в котором довольно полно представлено литературно-критическое наследие Горького. Все тексты сопровождаются примечаниями, взятыми из тридцатитомного собрания сочинений Горького.

Вызывает удивление неполнота сборника — в нем почему-то нет ряда статей и выступлений, которые сюда следовало обязательно включить, таких, например, как речь Горького на расширенном заседании Президиума Оргкомитета ССП 7 сентября 1933 года, где он говорил об участии писателя в процессах жизни, о внутренней связи между наукой и литературой, как статья «Литературные забавы», в которой подвергнуты острейшей критике болезненные явления писательской жизни, содержатся развернутые высказывания о положительном и отрицательном персонажах, о принципах типизации и т. д. Есть в издании и другие досадные пробелы.

Но в целом, повторяем, сборник воспринят читателями как ценный и долгожданный подарок. Нашим издательствам стоило бы подумывать о публикации и некоторых других, давно не выпускавшихся книг Горького, в частности, «Истории русской литературы», увидевшей свет еще в 1939 году и уже ставшей библиографической редкостью. Издание драгоценного горьковского наследия — дело большой государственной важности.